

ПСИХОЛОГИЯ

Ефимова Светлана Владимировна

магистрант

Ковров Владимир Викентьевич

канд. пед. наук, профессор

ГБОУ ВПО «Московский городской
психолого-педагогический университет»

г. Москва

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ 12–14 ЛЕТ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАСИЛИИ

Аннотация: в данной статье авторами рассматриваются результаты эмпирического исследования представлений подростков среднего возраста и их родителей о психологическом насилии в социальной среде. Полученные результаты качественно интерпретируются в аспектах: оценки респондентами действий, совершаемых взрослыми и сверстниками как «насильственные»; различий представления подростков от представлений самих взрослых; нормативности этих действий обеими группами респондентов в социальной среде.

Ключевые слова: насилие, психологическое насилие, насилие в школе, образовательная среда, детско-родительские отношения.

Насилие в подростковой среде является одной из самых острых и достаточно распространенных проблем в современном обществе. Возникнув как социальное явление, данная проблема приобретает интегративный характер, поскольку непосредственно затрагивает вопросы психологического самочувствия, соматического здоровья, правового статуса, социально-педагогической реабилитации жертв насилия. Содержательные характеристики понятия «психологическое насилие» по-разному понимается людьми разных поколений. Для детей и молодёжи, воспитывающихся в агрессивной социальной и информационной среде, многие аспекты насильственного поведения и агрессии воспринимаются

как норма, происходит усвоение моделей и паттернов деструктивного взаимодействия и поведения в межличностном взаимодействии. В соответствии с этим, реагирование подростков на проявления психологического и их родителей, имеют различия, что в некоторой степени является и может повлечь за собой дополнительную угрозу психологической безопасности подростков, понизить уровень чувства защищенности от внешних агрессивных проявлений, в том числе и в условиях образовательной среды [4; 6].

В гуманитарном знании при описании одной и той же проблемы используется достаточное количество близких, но не синонимических понятий. В частности используется категории «злоупотребление», «принуждение», «управление», «манипуляция поведением», «эксплуатация», «опасное обращение с детьми». Более того, в общественном сознании существует достаточно большое количество представлений, когда люди определяют насильственные действия по отношению к человеку как норму. То есть люди испытывают насилие, но насильем его не считают. В одной из работ «Сущность насилия», её автор Г.П. Киреев, отмечает, что насилие следует считать особым типом социальных отношений между людьми. В основе антагонизма – противоположные отношения к природным, объективным условиям их существования. Автор постулирует, что насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господства над ней [2].

В психологии и педагогике как отдельный вид насилия по отношению к человеку исследователи выделяют насилие психологическое. По отношению к взрослому ребёнку, под «психологическим насилием», вслед за Ю.Б. Орловым, мы понимаем: преднамеренное манипулирование взрослыми ребёнком как объектом, игнорирование его субъектных характеристик (свободы, достоинства, прав и т.п.); действия, разрушающие отношения привязанности между взрослыми и ребёнком, либо, напротив, фиксирующее эти отношения и приводящие к различным деформациям и нарушениям психического развития ребёнка [7].

Для детей и молодёжи, воспитывающихся в агрессивной социальной и информационной среде, многие аспекты насильственного поведения и агрессии

воспринимаются как норма, происходит усвоение моделей и паттернов деструктивного взаимодействия и поведения в межличностном взаимодействии. В соответствии с этим, реагирование подростков на проявления психологического и их родителей, имеют различия, что в некоторой степени является и может повлечь за собой дополнительную угрозу психологической безопасности подростков, понизить уровень чувства защищенности от внешних агрессивных проявлений, в том числе и в условиях образовательной среды. Отсутствие взаимопонимания взрослых и детей, и, как следствие, эмоциональное неприятие, непоследовательность, противоречивость процесса воспитания, лишает детско-взрослые взаимоотношения самого ценного для взрослеющей личности – эмоциональной поддержки и необходимого позитивного ресурса [4].

Анализ большого количества теоретических источников по обозначенной проблеме свидетельствует, что исследователи едины в определении психологического насилия как своеобразного «ядра» насилия вообще, его исходной формой. Независимо от того, где мы можем наблюдать ситуации насилия над детьми, чаще всего оказывается, что произошедшее подготовлено всей предыдущей жизнью ребенка и историей его взаимоотношений в социуме [1; 5; 8–9].

Прецеденты широкой психотерапевтической практики свидетельствуют о том, что с каждым годом возрастает численность детей, состояние здоровья которых можно охарактеризовать как пограничное относительно нормы. Зачастую эти состояния носят скрытый характер, и, соответственно, такие дети, получив психологическую травму, остаются вне поля видения и позитивного вмешательства психологии, педагогики и медицины. Психологические проблемы детей, конфликты, происходящие в школе, семье, часто по разным причинам остаются без внимания взрослых (педагогов, родителей), полагающих, что у их ребенка априори должно быть все в порядке и идти своим чередом [8].

Во многом, с нашей точки зрения, это объясняется различием представлений подростков и взрослых о психологическом насилии. различаются между собой. Мы полагаем, что представления подростков о видах и формах психологического насилия, определяют их действия и поступки как «должное» и влияют

на их психологическое благополучие в семье и образовательной среде школы. Сформированность представлений подростков о психологическом насилии и его распространённости по отношению к детям в социальной среде, зависит от информированности об этом явлении их родителей. Для проверки этого предположение нами было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали подростки 12–14 лет, учащиеся средних общеобразовательных школ различных административных округов города Москвы и их родители.

В исследовании приняли участие 43 подростка (21 мальчики 22 девочки) и их родители, из которых (53% служащие, 21% домохозяйки, 13% рабочих, 2% безработных). Исследование проводилось в течение летней оздоровительной смены на базе детского лагеря «Пламя» Рузского района Московской области, с родителями в официальные дни их посещения детей в лагере в период смены. Изучение представлений респондентов о психологическом насилии осуществлялось в два этапа: пилотном и непосредственно диагностическом этапе, в ходе которого интервьюировались подростки-учащиеся 7–8-х классов и родители подростков. Общая выборка составила 86 человек.

Для решения исследовательских задач была использована «Методика интервью для диагностики распространённости насилия» Е.Н. Волковой, адаптированная нами для выявления различных видов насилия, в том числе психологического насилия и отношения к его проявлениям подростков среднего возраста и их родителей [3; 8]. Методика содержит ситуации, в которые попадали ровесники подростков 12–14 лет. Каждая ситуация включает перечень вопросов, на которые респонденты отвечают по принципу выбора ответа, больше всего совпадающего с его мнением. Интерпретация результатов происходила путем подсчета ответов на вопросы. Процедура данная методика проводилась индивидуально для детей и для родителей. Кроме того подросткам также была предложена «Анкета по изучению особенностей жизнедеятельности учащихся в школе» (авт. В.В. Ковров, Н.Т. Оганесян). Данная методика направлена на изучение представлений учащихся о школе как об образовательном пространстве, в котором про-

является (может проявляться) / не проявляется насилие в межличностном взаимодействии детей и взрослых [3]. Также нами была использована авторская методика незаконченных предложений, состоящая из 20 предложений и предназначенная для диагностики когнитивного, эмоционального и поведенческого аспекта представлений ребёнка о насилии.

В проведённом эмпирическом исследовании, для нас, главным был поиск ответов на вопросы: как оценивают подростки действия, совершаемые взрослыми и сверстниками? Различаются ли эти представления от представлений самих взрослых? Какие действий обе группы респондентов считают допустимыми? Какие действий обе группы респондентов оценивают как насильственные?

На этапе организации пилотного эксперимента нами была проведено анкетирование подростков, с целью выяснения вопроса о распространённости насилия в образовательной среде школы в представлениях и оценке учащихся. Была использована «Анкета по изучению особенностей жизнедеятельности учащихся в школе», в которой содержались вопросы на уточнение наличия насилия в межличностном взаимодействии в школьной образовательной среде [3]. На вопрос: «Чувствуете ли Вы себя безопасно и комфортно в школе?» – 23% респондентов ответили в той или иной степени отрицательно, т.е. «иногда», «никогда», «редко».

«Существуют ли в Вашей школе проявления насилия, агрессии, унижения, издевательства над учениками *со стороны учителей?*» – 51% ответили «никогда»; «очень редко» – 34%; «часто» – 12%; «очень часто» (практически каждый день) – 3%). «Существуют ли в Вашей школе проявления насилия, агрессии, унижения, издевательства над учениками *со стороны учащихся?*» – только 23% респондентов ответили «никогда»; «от случая к случаю» – 29%; «очень редко» – 33%; «очень часто» – 15%. Таким образом, можно было констатировать, что насилие в школе в межличностном взаимодействии учащихся имеет место быть, но наблюдается оно, в первую очередь со стороны сверстников, а не со стороны учителей. На вопрос «Если в Вашей школе встречаются случаи насилия агрес-

сии, унижения, издевательства со стороны учащихся, то с какими из них Вы сталкивались?» 48% учащихся ответили, что это «открытая словесная агрессия». В перечень проявлений вербальной агрессии учащиеся, в основном, включают обзывания и обидные прозвища, систематические насмешки, а также оскорбляющие и унижающие словесные проявления в виде нецензурной лексики.

С физической агрессией сталкивается 25% подростков. Формы её проявления – пинки, толкания, удары. При этом физическая агрессия, по мнению ребят, не всегда имеет преднамеренный характер, проявляется иногда случайно «просто так», «шутка такая». Тем не менее, следует отметить, что подростки считают подобные поступки нормативными. Для 20% респондентов формами насилия выступили запугивания в виде агрессивных издевательств – презрительных жестов и мимических реакций, крика, неприятных интонационных и громких обращений к ним. Для 18% подростков таковыми выступили – «изоляция (бойкот), пренебрежение и игнорирование». Важно отметить, что среди форм насилия подростки отмечают «новые» формы, связанные с обидными комментариями и оценками их индивидуальных характеристик (внешности, поведения, социального реагирования и т.д.) в социальных сетях (26%). То, что Интернет является небезопасной информационной средой, являющейся прямой угрозой личностному благополучию ребёнка является сегодня фактом. Размещение обидной или оскорбительной для субъекта персональной о нём информации со стороны его сверстников, безусловно, наносит ему психологическую травму. Также отметим, что к проявлениям насилия в школе подростки отнесли различные комментарии и надписи оскорбительного характера «публикуемые» в общественных местах (11%). Это подтверждает предположение о том, что образовательная среда школы действительно выступает для подростка как небезопасное пространство в его психологическом аспекте. При этом беспокоит тот факт, что в организации учебно-воспитательного процесса в школе недостаточно присутствует профилактическая работа со стороны педагогов, а возможно и то, что зачастую и сами учителя провоцируют ситуации, связанные с насилием.

Для нас, важным был вопрос «Если в Вашей школе встречаются случаи насилия агрессии, унижения, издевательства со стороны педагогов и персонала школы, то с какими из них Вы сталкивались?». По-прежнему весьма распространены в школе, проявления вербального насилия и агрессии со стороны взрослых. По результатам, 49% подростков ответили, что это «насмешки», «обидные комментарии, иронизирование», а также – «словесная агрессия, оскорбления, унижения, систематические насмешки». Усугубляет положение тот факт, что данные формы насилия имеют публичный характер. 40% респондентов отмечают присутствие запугиваний и шантажа в деятельности отдельных педагогов школы. Можно сказать, что в стрессовой для учащегося ситуации на уроке, учитель часто сам провоцирует неадекватное реагирование подростка и, в целом, его поведение в школе. В оценке большинства респондентов (71% подростков) фиксируется: учитель унижает ученика неуспешного (слабоуспевающего) в учебном предмете. Раздражает учителя также и тот ученик, который, наоборот, может продемонстрировать большую осведомленность по предмету на уроке. Незначительная часть подростков отмечают наличие отрицательных оценочных мнений по поводу интересов и убеждений ребенка, а также внешности (7%), негативные комментарии учителей возрастных и гендерных особенностей, семьи, национальности подростков отсутствуют ответы по поводу. Отметим, что 12% подростков отмечают, педагоги используют мимику и жесты оскорбительного и угрожающего характера, в субъективной оценке респондентов отмечаются случаи физического воздействия и наказания в виде толканий, дёрганий, болезненных удержаний – 9%.

В беседах с подростками мы фиксировали, что во межличностном взаимодействии в школе в той или иной встречаются такие формы психологического насилия, когда педагог по отношению к учащемуся: демонстрирует пренебрежение к чувствам, эмоциям, высказываниям, ценностям, целям, желаниям и планам; обесценивает успехи, достижения, чувства, желания; явно или косвенно наказывает другую сторону за то, что нарушаются его предписания, или не вы-

полняются его решения. Манипуляции взрослого по отношению к ребёнку проявляются также и в том, что учитель «показывает, что он умнее и более знающий», что «опытный и практичный». Это проявляют больше всего молодые педагоги. При планировании различных мероприятий и дел в классе «решающий голос – за учителем», цели (задачи) жизнедеятельности определяются им самим, а мнение учащихся является второстепенным. Достаточно часто личное мнение по поводу жизни класса, учителем основывается на стереотипных представлениях и общественном мнении: «нам нужно сделать» «так положено считать», а желания (мнения и представления) самих учащихся либо игнорируются, либо отмечаются в последнюю очередь.

В свободных ответах подростков встречаются такие характеристики «педагогического» реагирования со стороны педагогов как: «всегда считает, что он лучше знает, что нужно делать», «постоянно командует нами», «постоянно кричит, если ребята в классе не подчиняются», «по всякому поводу цепляется и унижает меня в своих дурацких комментариях», «шантажирует», «отказывает в помощи и поддержке», «дискредитирует перед родителями», «сталкивает с друзьями», «провоцирует ребят на то, за что потом становится стыдно». Анализ мнений и высказываний подростков, говорит о некомпетентности педагогов в вопросах создания (поддержания) и обеспечения психологической безопасности в образовательной среде школы (класса), компетентность учителей в вопросах педагогической психологии гораздо ниже желаемого и возможного. В сфере обеспечения ненасильственного взаимодействия, создания бесконфликтных межличностных отношений, а стало быть, в обеспечении психологической безопасности ребенка в школьной образовательной среде, то вносимый вклад педагога, с нашей точки зрения, является незначительным. Для подростка педагог не является в должной степени гарантом безопасности. Значимой персоной, он преимущественно остаётся в ситуациях делового взаимодействия, а также в вопросах, касающихся учебной деятельности подростка. Очевидно, что насилие (во всех формах его проявления), достаточно часто проявляется в обществе (обществен-

ных отношениях в целом), становится для взрослеющего ребенка чем-то привычным, повседневным, естественным, «нормативным». Это явление наблюдается и в школьной среде в различных взаимодействиях субъектов образовательного процесса, проникает во все сферы школьной жизни, также становится «нормативным».

На этапе проведения пилотного эмпирического исследования нами была использована авторская *методика незаконченных предложений*. Было выявлено, какое *представление о насилии*, как о явлении распространено в подростковой среде. Так, большинство принимающих участие в анкетировании ребят «применение силы к более слабому» определяют конкретным словом «насилие». Или же, продолжая это предложение, пишут о том, что «этого нельзя делать», «это запрещается». Свое отношение к подобным проявлениям подростки выражают такими словами – «это позор»; «это стыдно»; у тех, кто себе позволяет такое поведение «нет совести». Как насилие воспринимают подростки и грубое обращение, крики, навязывание своего мнения со стороны родителей. Так, например, незаконченную фразу «больше всего я не люблю, когда мои родители...», подростки завершают так: родители «кричат на меня», «орут на меня», «ругают меня», когда они «злые».

При столкновении со случаями насилия подростку приходится сталкиваться в основном с такой эмоцией как страх: «я боюсь идти домой...», «...когда я сделала что-то плохое»; «...когда получил двойку»; «...когда меня не переведут в другой класс». Несколько детей написали, что не любят, когда родители ссорятся между собой. То есть можно сделать вывод, что это также оказывает негативное воздействие на *эмоциональное состояние* ребенка. Кроме того, подростки боятся проявления уличного насилия: «мне страшно...», «...когда за мной кто-то идет»; «...когда я вижу пьяных на улице».

Поведение при угрозе ситуации насилия большинства опрошенных подростков направлено на то, чтобы этой ситуации избежать. Ребята отвечают: «я лучше побуду один, чем в плохой компании»; «я лучше побуду одна, чем с некоторыми моими одноклассницами, которые меня обзывают»; «я убежал бы из

дома, если бы моя мама била меня»; «я убежал бы из дома, если бы меня предали родители»; «я убежал бы из дома, если бы мне все запрещали и всегда орали». Об отсутствии взаимопонимания и доверия в отношениях с родителями говорят такие высказывания, как: «я хочу побыть один после тяжелых дней»; «я хочу побыть один после стресса»; «я хочу побыть один после грустных историй»; «я хочу побыть один после того, как что-то случилось плохое». И очень выраженная потребность в эмоциональной поддержке: «я хочу, чтобы меня любили»; «я хочу, чтобы меня уважали», «я хочу, чтобы меня не предавали».

На этапе диагностического исследования нами было проведено анкетирование подростков и их родителей с целью выявления их представлений о психологическом насилии. Использовалась «Методика интервью для диагностики насилия» [3], адаптированная нами для изучения представлений респондентов о распространённости психологического насилия в подростковой среде. Исследование проводилось индивидуально. Каждому респонденту (подростку и одному из родителей) предлагалось ознакомиться с ситуациями, в которых попадали (могли попадать) ровесники подростков 12–14 лет. После каждой ситуации респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, отмечая тот ответ, который больше всего совпадал с мнением отвечающего. Интерпретация результатов происходила путем подсчета ответов на вопросы.

Для нас было важным изучение представлений респондентов о психологическом насилии. С этой целью были отобраны и предложены подросткам пять ситуаций. Вопросы, на которые должны были ответить респонденты после ознакомления с содержанием реальной (либо потенциально возможной) жизненной ситуацией, были направлены на выявление:

- представлений учащихся и их родителей о распространённости психологического насилия в социальной среде;
- представлений учащихся и их родителей о реальных проявлениях психологического насилия по отношению к знакомым для них подросткам в их ближайшем окружении;

– представлений учащихся и их родителей о распространённости психологического насилия в семье;

– представлений учащихся и их родителей об идентификации вида (формы) насилия по отношению к подростку как «насилия психологического».

Предлагаемые в ходе интервьюирования респондентов вопросы к ситуациям являются уточняющими представления подростков и их родителей о психологическом насилии. Каждая ситуация сопровождалась четырьмя уточняющими вопросами и вариантами ответов, представленных по алгоритму. На первый вопрос: «Как ты думаешь, в ситуации схожей с её героем находятся ...» предлагается 4 варианта ответов – «много детей», «мало детей», «никого», «не знаю». На второй вопрос: «Знаешь ли ты кого-нибудь, кто находится в ситуации, похожей на ситуацию с её героем?» даётся 3 варианта ответов – «Я знаю многих таких», «Я знаю одного такого», «Не знаю ни одного». К третьему вопросу: «Как ты думаешь, ситуация в твоей семье по сравнению с семьей её героя...» также предлагаются 3 варианта ответов – «очень похожа», «иногда я чувствую себя похоже», «совершенно другая». Заключительный вопрос ситуации: «Можно ли сказать, что это является насилием над личностью?», был направлен на выявление знания (представлений) учащихся и их родителей о том или ином виде (форме) насилия, а также способности респондентов характеризовать ситуацию как «ситуацию насилия» в отношении ребёнка, также содержал 3 варианта ответов – «да», «нет», «затрудняюсь ответить».

Полученные данные о представлениях подростков и их родителей о насилии в его психологическом аспекте свидетельствуют об имеющихся различиях в оценке респондентов. Эти данные представлены в таблице «Представления подростков и их родителей о психологическом насилии».

Таблица 1

Представления подростков и их родителей о психологическом насилии

	Вопрос №1. Представления респондентов о распространённости психологического насилия в социальной среде (чел. / %)			
	много детей	мало детей	никто	не знаю

Под- ростки	62 / 28,8%	89 / 41,4%	21 / 9,8%	43 / 20,0%
Родители	92 / 42,8%	46 / 21,4%	31 / 14,4%	46 / 21,4%
	Вопрос №2. Представления респондентов о реальных проявлениях психологического насилия по отношению к знакомым для них подросткам в их ближайшем окружении (чел. / %)			
	Я знаю многих таких.	Я знаю одного та- кого.	Не знаю ни од- ного.	
Под- ростки	58 / 26,98%	75 / 34,88%	82 / 38,14%	
Родители	74 / 34,42%	47 / 21,86%	94 / 43,72%	
	Вопрос №3. Представления респондентов о распространённости психологического насилия в семье (чел. / %)			
	Очень похожа	Иногда я чув- ствую себя по- хоже	Совершенно другая	
Под- ростки	4 / 1,86%	44 / 20,47%	167 / 77,67%	
Родители	42 / 19,53%	68 / 31,63%	105 / 48,84%	
	Вопрос №4. Представления респондентов об идентификации вида насилия по отношению к подростку как «насилия психологического» (чел. / %)			
	Да	Затрудняюсь от- ветить	Нет	
Под- ростки	61 / 28,37%	96 / 44,65%	58 / 26,98%	
Родители	126 / 58,6%	31 / 14,42%	58 / 26,98%	

Анализ данных свидетельствует, что абсолютное большинство респондентов считают, что в современном обществе психологическое насилие по отношению к детям распространено достаточно сильно (*вопрос №1*). В той или иной степени, но 64,2% подростков и 70,2% родителей связывают это явление с социальной ситуацией развития ребёнка, причём точка зрения взрослых о распространённости психологического насилия по отношению к подростку «в значительной степени» отмечается у 48,8% респондентов и почти у 30% самих подростков. Учитывая факт «ухода» от ответов значительного количества респондентов на заявленные вопросы (неопределённость отмечается у 20% подростков и 21,4% родителей, выбравших ответ «не знаю»), – отметим, что гипотетически, большее количество респондентов считают, что психологическое насилие в отношении детей является распространённым явлением. Это подчёркивает актуальность и

прикладную значимость исследования обозначенной проблемы, поскольку наличие психологического насилия по отношению к личности является одним из базовых критериев, свидетельствующего о небезопасном процессе развития взрослого ребёнка. Это является заметным риском (непосредственной угрозой) психологическому благополучию и психологическому здоровью подростка в различных социальных средах, в том числе в среде образовательной среде школы.

Данное обстоятельство подтверждается ответами *на второй вопрос* о знании респондентами, знакомых им подростках, находящимся в подобных ситуациях. Выяснилось, что количество респондентов, знающих о случаях проявления психологического насилия по отношению к подросткам весьма значительно (51,86% подростков и 56,28% родителей). Причём о знании многих таких случаев высказались 58 детей (26,98%) и 74 родителя (31,86%), то есть третья часть респондентов. Большое количество ответов на данный вопрос как «не знаю» (38,14% и 43,72%, соответственно) мы объясняем существующей отстранённостью части современного общества «обращать внимание на актуальность этой проблемы», недостаточной социальной активностью и индифферентностью в её профилактике (до тех пор, пока это их лично не касается). Кроме этого, важно отметить, что имеет место «факт привыкания» к проявлениям насилия и агрессии в обществе как следствие распространённости этих явлений в различных СМИ, нормативной допустимости в межличностном взаимодействии людей. Часть респондентов проявила нежелание отвечать на этот вопрос.

Особое значение для нас представляли ответы *на третий вопрос*: «Как ты думаешь, ситуация в твоей семье по сравнению с семьей её героя является «очень похожей», «иногда похожей» или «совершенно другой»?», имеющие значительные различия. Так в оценке подростков, подобные ситуации являлись «очень похожими» лишь у 1,86%, «иногда чувствовали себя похоже» 20,47% респондентов. Оценка родителей является более критической – 19,53% и 31,63%, – соответственно. Это может говорить о том, что существующие паттерны родитель-

ского поведения (отношения) по отношению к своим детям представляются последними отчасти как «норма». Существующие в семье детско-родительские отношения допускающие «авторитаризм», «насилие», «невнимательность и безразличие» взрослых по отношению к детям, усваиваются подростками и в дальнейшем транслируются как «допустимые и нормальные» в межличностном взаимодействии в иных средах. Следует отметить, что для 77,67% подростков ситуация является непохожей и выглядит как «совершенно другая». Однако, оценить этот показатель положительно нельзя: практически 30% респондентов-детей отмечают, что «чувствуют в семье себя одиноким», «родители не интересуются жизнью, проблемами подростка, хотя ему бы этого очень хотелось». Формальность детско-родительских отношений в семье не может не замечаться детьми, зачастую болезненно переживается ими и фиксируется как форма психологического насилия, в большей либо меньшей степени, но воздействует на подростков психотравмирующим образом. Это не может влиять на социальную ситуацию развития подростков позитивно, зачастую является причиной их не успешности в процессе обучения, социальной дезадаптации. Значительный процент утвердительных ответов родителей на данный вопрос, с нашей точки зрения, свидетельствует о понимании ими существования проблемы, признании фактов либо излишней их вовлечённости (авторитарного контроля), либо отстраненности (эмоционального отвержения) в жизнедеятельность ребёнка. При этом, переживание неверного «родительского отношения» не подкрепляется выраженной мотивацией и стремлением родителей изменить ситуацию к лучшему, отказаться от привычных «эффективных» методов давления в семейном воспитании. В детско-родительских отношениях (стиле воспитания) как системе, включающей разнообразные чувства родителей к ребёнку, их поведенческие стереотипы, практикуемые в общении с ними, особенности восприятия и понимание характера и личности ребёнка, его поступков, присутствуют формы психологического насилия. В тоже время большинство родителей правильно характеризуют предъявленные формы насилия (*вопрос №4*) как «формы насилия психологического» (58,6 %), затруднились ответить (14,42%), значительное же количество респондентов –

подростков чёткого представления о сущности психологического насилия, его видах и формах (44,65%) не имеют.

Полученные данные косвенно свидетельствуют о различных стилях детско-родительских отношений, в основе которых взаимодействие родителей и детей при совместном решении задач (сотрудничество, псевдосотрудничество, изоляция, соперничество). При качественном анализе можно предположить о различных спектрах отношений между ребёнком и родителем: симпатия-антипатия, уважение-пренебрежение, близость-дальность. В частности, мы полагаем, что представления подростков о насилии (как нормативном – не нормативном), допустимом (одобряемом) или недопустимом (осуждаемом) паттерне межличностного взаимодействия зависит, во многом зависит от типов родительской любви. Симпатия, уважение, близость (действенная любовь) минимизируют проявления насилия. Отстраненная любовь (симпатия, уважение, но большая дистанция с ребёнком), действенная жалость (симпатия, близость, но отсутствие уважения), любовь по типу снисходительного отстранения (симпатия, неуважение, большая межличностная дистанция) повышают вероятность насилия и агрессии в поведении подростка и межличностном взаимодействии с другими людьми. А такие характеристики отношений родителей и детей как отвержение, презрение, преследование отказ являются непосредственной угрозой формирования и развития насильственных форм взаимодействия с другими.

Семья, безусловно, является ведущим фактором воспитания, развития и социализации личности взрослеющего ребенка. Семья – один из ведущих социальных институтов, где происходит формирование нормативно-ценностного в сознании ребёнка. Однако эффективность обозначенных процессов не может быть безусловной без качественного взаимодействия с образовательной организацией, где ребёнок «проживает» большую часть своего периода взросления и личностного становления. В этих социальных институтах он получает первые уроки жизни, получает поддержку и помощь в сложных для него жизненных ситуациях. Межличностное взаимодействие со сверстниками и с взрослыми могут

научить его любить мир, людей, природу, ценить добро и справедливость, честность и порядочность и не следовать деструктивным и насильственным действиям в своей жизни и деятельности. Эти процессы взаимозависимы и носят характер обратной связи – взаимодействуя с детьми, взрослые не могут не изменяться сами.

От характера межличностных отношений взрослых к ребенку формируются ценностные ориентации, идеалы, жизненные принципы, паттерны значимых взаимных отношений между ними. Авторитарный стиль, насильственное и агрессивное поведение взрослых, подавление жизненно важных интересов и потребностей ребенка, насильственное навязывание ему своих взглядов и представлений формируют несамостоятельную, зависимую, неуверенную в себе личность. Наоборот, заботливое участие, заинтересованное и не навязчивое отношение к ребенку, проявление готовности оказать поддержку и помощь является фактором формирования человека, готового и способного оказать помощь окружающим его людям.

Список литературы

1. Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: Учебное пособие / Под ред. И.А. Баевой. – М.: Экон-Информ, 2009. – 248 с.

2. Киреев Г.Н. Сущность насилия: [Моногр.] / Г.Н. Киреев. – М.: Прометей, 1990. – 108 с.

3. Ковров В.В. Воспитательная система образовательного учреждения как ресурс обеспечения психологической безопасности: учебно-методическое пособие / В.В. Ковров, М.С. Мириманова, Н.Т. Оганесян. – М.: Экон-Информ, 2012. – 181 с.

4. Ковров В.В. Воспитательная работа в школе как фактор профилактики насилия и обеспечения психологической безопасности образовательной среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2014. – №167. – С. 70–81.

5. Ковров В.В. Представления педагогов о психологической безопасности образовательной среды школы / В.В. Ковров // Российский научный журнал. – 2014. – №5 (43). С. 139–147.
6. Ковров В.В., Оганесян Н.Т. Реформы в образовании; современные вызовы / В.В. Ковров, Н.Т. Оганесян // Народное образование. – 2013. – №9. – С. 28–29.
7. Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи / А.Б. Орлов // Психолог в детском саду. 2000, . – №2–3. – С. 182–187.
8. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления. (Под ред. Волковой Е.Н.). – М., изд-во «Питер-М», 2008. – 349 с.
9. Черников Е.В. Актуализация профилактики насилия и агрессии в воспитательной деятельности сельской школы / Е.В. Черников // Российский научный журнал. – 2014. – №1 (39). – С. 31–38.